

<О НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВАХ ПОЭТА>

С Николаем Алексеевичем Некрасовым я, пишущий эти строки, был знаком более тридцати лет. Многих, еще при жизни его, занимал вопрос: таков ли Некрасов в действительности, каким можно было предполагать его, судя о нем по его сочинениям? В обществе часто заводили разговор об этом, и многие, зная мое близкое знакомство с ним, обращались и обращаются ко мне с подобными вопросами. После смерти Николая Алексеевича вопросы не прекращаются, и раз даже один преподаватель словесности говорил мне, что ему весьма важно иметь настоящее понятие о личности Некрасова, потому что он (преподаватель) находился часто в затруднении отвечать что-либо с уверенностью на постоянные вопросы своих учеников о нравственных качествах народного поэта.

Я хорошо знал Некрасова и никогда не сомневался в добрых и достойных уважения качествах его сердца. Поэтому вопросы о нем, в которых порою звучала как бы нота иронии и проглядывало некоторое злорадство, задевали меня за живое. На него возводили множество небылиц и распускали про него немало самых возмутительных клевет. Отвечать на вопросы я никак не мог хладнокровно. Каждому спрашивающему я объяснял подробно всю нелепость ходивших слухов и, в подтверждение моих уверений, вызывался представить доказательства, - а что я мог это сделать, читающий эти строки увидит из того, что будет изложено ниже.

Прежде, нежели буду говорить о некоторых частностях, которые играли немалую роль в составлении об Николае Алексеевиче мнений, - скажу несколько слов о том, каким человеком вообще я сам разумел Некрасова.

Для публики важно знать: существовало ли противоречие между всем прекрасным и добрым, наполнявшим его произведения, и нравственными качествами того, кто так хорошо выражал это прекрасное и доброе? Существовал ли разлад между добрым чувством, выраженным прекрасным стихом, и чувством, живущим в сердце поэта?

На это я твердо и не колеблясь отвечу: никакого разлада не было. Некрасов по своим нравственным качествам не противоречил вовсе тому образу, который рисовался воображением многих не знавших его почитателей его таланта.

Это был человек мягкий, добрый, независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно простой; но достаточною твердостью характера он не обладал. Обстоятельства сложились так, что ему почти всю жизнь пришлось проводить в полуофициальных кружках. Это не была его естественная среда, а потому в ней он не мог чувствовать себя свободным: внутренние движения были связаны, женированы; сердце - сжато. Вследствие этого, несмотря на врожденные мягкость, снисходительность и простосердечие, - внешние приемы казались иногда сухими, угловатыми и от них как бы веяло холодом.

Смолоду он был чрезвычайно застенчив в обществе и сам сознавался в этом, сказав:

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь - непроторная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу - шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

С годами таковая застенчивость стала выражаться (говоря его же словами) *"маскою наружного холода"* и тем, что называется: *mauvais humeur* {Дурное настроение (франц.)}.

Недостаток этот, то есть эти *mauvais humeur*, развиваются у людей, вступающих в хлопотливое, спешное дело и обязанных болтать, когда не хочется говорить, - видеть многих, когда желаешь видеть только близких или когда даже не хочешь никого видеть, и, приходя к Некрасову в такие недобрые минуты, я, бывало, сижу несколько времени у него молча. И он молчит, лежа читая или дремля... А потом вскоре... снег растает и растает непременно... Чувствовать обиду, как бы наносимую холодностью приема, тому, кто знал характер Некрасова, было невозможно.

Но не все были ему близки, а потому нет ничего удивительного, что многие судили о нем, как о человеке неприветливом и холодном.

Не знали многие и того, что Николай Алексеевич никогда не пользовался полным здоровьем и долго думал о себе так, как когда-то и выразился:

Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!²

Нервы его были сильно расшатаны и раздражены? особые обстоятельства его грустной молодости, известные его близким, не могли не отзываться на настроениях его духа, и правдив был поэт, говоря:

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой музы³.

Да, повторяю еще раз: это, в сущности, был самый простой человек, человек с настоящею примитивною русскою натурой, - веселый и грустный, способный увлекаться и весельем и горем до чрезмерности, не рассчитывающий на завтрашний день и живущий этим русским: "Авось!", на которое мы часто негодуем, но в глубокий смысл никогда не вникаем.

Жизнь полуофициальная, жизнь в Петербурге была его искусственною жизнью... Истинная натура его проявлялась при другой обстановке - проявлялась в кругу близких, простых, невысокоумных людей, в кругу людей, ничего от него не ожидающих и не состоящих с ним в каких бы то ни было делах. Летом он обыкновенно уезжал в деревню. Там он уходил из дома иногда на несколько дней охотиться с своими приятелями крестьянами-охотниками, проводя дни и ночи с ними и ночуя по разным деревням, в избах своих приятелей-крестьян. Вот в этой-то среде, - я уверен, - он, как говорится, был в своей тарелке, - веселый, свободный, не женированный и бодрый. Я видал его по возвращении из таких странствований по лесам и болотам, продолжавшихся несколько дней, довольного, свежего в самом хорошем расположении духа. Вспомним посвящение его "Коробейников" *другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)*:

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Житейская обстановка Некрасова должна была бы устроиться подобно простой и увлекательной обстановке другого народного певца, именно - Беранже: кружок близких приятелей, сельская природа и отсутствие всяких непосредственно касающихся его, смущающих интересов и дел. Беранже имел характер устроить так свою жизнь; у Некрасова характера на это не хватало, и он поплатился за это чувством постоянного стеснения в течение своей полуофициальной жизни, живя в противоречии с своими настоящими сердечными потребностями и вкусами.

Вопросы посторонних лиц о нравственной личности Некрасова скоро сводили и сводят на вопросы об отношениях (то есть денежных отношениях) его с другими литераторами, участвовавшими в издаваемых им журналах.

Если кто-либо усомнится в компетентности моего суда о характере Некрасова вообще, что уже в ответе на последние вопросы усомнившийся должен будет признать вполне мою компетентность, когда узнает, что в период существования журнала "Современник", издаваемого Н. А. Некрасовым совместно с двоюродным братом моим Иваном Ивановичем Панаевым, я в течение десяти лет заведовал хозяйственной частью журнала, и при жизни Ивана Панаева, и после его смерти.

Все распоряжения по расчетам с сотрудниками мне были известны, и уплата производилась через мои руки. До сих пор у меня целы приходо-расходные книги с расчетами и расписки получателей⁴. Сохранял я это все для того, чтобы иметь, на всякий случай, доказательство для опровержения взводимых на Некрасова клевет. Я мог бы заговорить ранее, и при его жизни, и много раз хотел это сделать, но Николай Алексеевич не допускал меня привести в исполнение мои намерения, говоря, что можно сделать это когда-нибудь, после, тогда, когда его не будет {Этот мой отзыв о Некрасове был написан мною вскоре после его смерти, и я распорядился, чтобы он непременно был напечатан после моей смерти. Ввиду предстоящего выпуска в свет его биографии отдельной книгой, я решил отдать мною написанное в распоряжение составителя биографии⁵.}

И в этом случае он думал так, как и написал:

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси, по родной. Не тужи!
Пусть растет, пусть катается.
Не тужи! Как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрый словцом!⁶

Замечание мое о том, что я могу умереть прежде его, Николай Алексеевич оставлял обыкновенно без ответа и оканчивал какую-нибудь добродушною шуткой.

В памяти моей (могущей, впрочем, всегда быть проверенной упоминаемыми выше книгами) осталось ясным, что расчеты с участвующими в "Современнике" постоянными и случайными сотрудниками, по распоряжениям и желаниям как Николая Алексеевича, так и И. И. Панаева, производились самым широким образом, - производились так широко и нерасчетливо, что для текущих и необходимых расходов по изданию не раз встречались затруднения, вынуждавшие прибегать к займам. Затруднения отстранялись также иногда только благодаря субсидиям, даваемым Некрасовым из своих собственных денег, полученных им из источников, посторонних журналу, и о которых я скажу ниже.

При этом надо заметить, что и Некрасов, и И. И. Панаев в денежном отношении пользовались выгодами, доставляемыми журналом, весьма умеренно, и иногда получали менее, чем их постоянные сотрудники. Не говоря уже о последних, несколько литераторов едва вступивших на литературное поприще, кроме значительной полистной платы, получали ежемесячное содержание, что, по мнению Некрасова и И. И. Панаева, было необходимо для того, чтобы поддержать начинающих и дать возможность развиваться замечаемым в них признакам таланта. Без всякого соображения с финансовым состоянием журнала многим деньги выдавались вперед, в счет будущих работ, - на неопределенное время. На замечания мои, что деньги расходуются несвоевременно и ставят издание в затруднение, - Некрасов часто говорил, что если денег у журнала не хватит, то для необходимых потребностей издания он даст свои собственные деньги, что неоднократно и делал.

Приходившие ко мне за получением следуемых денег часто заявляли мне, что от Некрасова уже прежде получена ими такая или другая сумма, тогда как я об этом ничего не знал. Такие выдачи из своих денег Николай Алексеевич производил беспрестанно; но, несмотря на весьма частые свидания со мною, забывал говорить о выданных деньгах. Я просил его много раз выдачи записывать; дал ему для записывания большую графленую книгу, а человек его {Человек этот уже много лет живет с семьей барином в купленном им себе доме -

в одном из дачных городков близ Петербурга. На похоронах Некрасова я узнал, что он получал от Николая Алексеевича ежемесячный пенсион и что пенсион этот, по завещанию Некрасова, должен выдаваться и наследникам Некрасова - до конца жизни того, кому он назначался⁷. (Прим. И. А. Панаева.)} купил ему большой карандаш, в палец толщиной и чуть ли не в аршин длиною (карандаш для черчения шаблонов), так как Николай Алексеевич уверял, что не записывает оттого, что не находит вовремя карандаша, зарывающегося вечно под корректурными листами, газетами, рукописями и другими бумагами. Но ничего не помогало: книга осталась совершенно чистой, и я насилу мог добиваться раза два или три в год, чтобы он уделил часок на припоминание сделанных им выдач. Припоминание происходило в моем присутствии: Николай Алексеевич брал, наконец, листок бумаги и записывал (обыкновенно лежа) то, что мог вспомнить. Разумеется, при этом немало сделанных выдач не было записано; он или действительно не припоминал их, или не хотел вспомнить, и я имею основание думать, что не одна тысяча рублей осталась незаписанного.

Много талантов Николай Алексеевич предугадал и многим, своевременным пособием в трудное время, дал развиваться. Имена таких лиц известны не мне одному. Выдачи вперед, постоянные ежемесячные содержания многим лицам производились, несмотря на то, что интересы издателей сильно страдали. Почти всякому обращающемуся к ним деньги выдавались вперед. Некрасов, распорядившись выдачами с согласия И. И. Панаева, никак не мог решиться отказать в выдаче просившему. Одному деньги выдавались по случаю болезни; другому - по случаю поездки за границу; третьему - по случаю выезда из Петербурга в провинцию или приезда из провинции и т. д.⁸. На средства "Современника" поддерживались семьи бывших сотрудников, воспитывались малолетние братья одного умершего литератора...⁹ "Если денег не хватит для издания - я дам в кассу свои деньги", - говорил мне постоянно Некрасов.

Помню один случай. Раз, когда касса журнала была почти пуста я приехал к Некрасову, поставил ему на вид все обстоятельства дела, и он убедился, что выдач вперед в том году решительно невозможно делать, потому что предстояли по изданию разные необходимые уплаты, а на приход могли поступить лишь ничтожные суммы. "Не буду выдавать решительно: нечего делать", - сказал он.

Только что мы кончили наш разговор и пришли к твердому решению, как явился один из писателей, наших должников, объявил Николаю Алексеевичу, что он хочет ехать в деревню, и просил у него денег вперед. Под влиянием только что оконченного разговора Николай Алексеевич сказал: "Денег-то у нас нет; да вы, кажется, еще и нам должны". - "Да, - отвечал пришедший, - но здесь положительно ничего не могу делать... А вот поеду в деревню... Там на свободе, в лесах, в лугах... Вы, конечно, это понимаете... Я буду работать даром и пришлю вам работу". Некрасов молчал... Потом, не глядя на меня, потянулся за бумагой и написал записочку о выдаче из конторы денег. Когда упоминаемый господин ушел, мы оба рассмеялись. "Нельзя, друг, - говорил Некрасов, шутя, - что делать; всякому нужны деньги". Подобные слова он повторял мне неоднократно на замечания мои о чрезмерных расходах, стесняющих дело.

Был еще один случай, о котором я и до сих пор не могу вспоминать равнодушно. К Некрасову явился раз один молодой человек (обозначим имя его знаком X.), без всяких средств, и принес ему маленькие статейки. Они были написаны интересно, и в авторе Некрасов находил зародыш таланта. Так как молодой человек, как я уже упомянул, был без средств, Николай Алексеевич распорядился о выдаче ему ежемесячно по 75 рублей и, кроме того, об уплате за помещаемые коротенькие статейки, сколько мне помнится, тоже по 75 рублей с листа. "Надо поддержать молодого человека; из него выйдет писатель"¹⁰.

Выдачи производились не короткое время. Имея в виду бесспорную благую цель издателей, расход этот я делал охотно. Молодой человек часто приходил ко мне за деньгами, и мне очень приятно было видеть, как он становился на ноги. Раз, тогда, когда уже за ним числилась значительная сумма, он, придя ко мне, объявил, что решился ехать за границу и что Некрасов дает ему средства на это. О выдаче денег он принес от Николая Алексеевича записку. Деньги на путешествие были выданы, и молодой человек уехал. Но месяца через два или три он, вероятно, соскучившись за границей (иностранных языков он не знал), X. написал, что желает возвратиться в Россию, и просил о высылке ему на возвращение денег¹¹. Это было

летом, и Николай Алексеевич случайно тогда приехал на несколько дней в Петербург. В кассе денег было очень мало, и я потому сказал Некрасову, что г. Х. действует уже слишком бесцеремонно и что денег в настоящее время послать не из чего. Николай Алексеевич согласился со мною, но на этот предмет дал свои деньги и написал молодому человеку письмо, которое, прочитав, я послал с деньгами. В письме этом Некрасов говорил, что желание возвратиться пришло г. Х., вероятно, потому, что он совестился расхотеть "современниковские" деньги, вспоминая, что он уже и без того должен, что совеститься не для чего, так как г. Х. молод и успеет рассчитаться с ним работою. Пусть же он, г. Х., продолжает свое путешествие, сколько это будет нужно для его здоровья или для его удовольствия, а о долге своем бросит беспокоиться.

Письмо было полно самой добродушной и деликатной веселости, самых искренних ободряющих выражений...¹²

Через несколько времени г. Х. вернулся, снова стал получать помесечные деньги; потом вдруг прервал всякие отношения с "Современником", разумеется, не рассчитавшись с ним, и распустил про Некрасова самую возмутительную клевету касательно денежных с ним отношений, основываясь на нелепейшем предположении о мнимых выгодах, которые Николай Алексеевич мог извлечь от издания им, Некрасовым, на свой собственный счет, собрания статей г. Х., помещенных в "Современнике", отдельной книжкой; тогда как суммой, которая могла бы выручиться от продажи экземпляров не могла бы выручить и $\frac{1}{4}$ должной г. Х. "Современнику" суммы. Николай Алексеевич так мало заботился об издании, что напечатанные листы для книги лежали в типографии не сколько месяцев, и лежали в таком виде и тогда, когда г. Х. стал распускать свою клевету¹³.

Когда мне передали о последней, я не хотел верить, но, убедившись, отправился к Некрасову и рассказал ему об этом. Николай Алексеевич не вознегодовал, как я имел право ожидать. "Ничего нет удивительного, - сказал он, - не в первый раз... Напрасно ты так волнуешься. Он еще вчера взял у меня деньги (сколько мне помнится, пятьсот рублей серебром)". Я предлагал Николаю Алексеевичу тотчас же изобличить г. Х. У меня в руках для этого были все средства. Я хотел вывесить на стене конторы журнала, бывшей при книжном магазине, счет г. Х. На одной стороне было бы указано число напечатанных листов в "Современнике", на другой все сделанные г. Х. выдачи с подлинными расписками его в получении денег. Из счета было бы ясно видно, как поддерживался и как рассчитался за работу г. Х.

Некрасов не согласился на мое предложение, несмотря на то, что я сильно настаивал: "И к чему, - говорил он, - когда-нибудь узнают, что все это вздор... Вот я его позову и вымою ему голову". Действительно, Некрасов позвал г. Х. к себе... но дело кончилось тем, что Николай Алексеевич его не похвалил.

Между тем клевета распространилась, и несколько лет спустя мне пришлось опровергать ее в Вене в разговоре с одним знакомым мне студентом, австрийским славянином.

Вообще выдачи из кассы "Современника" делались в таких размерах, что у издателей никогда ничего к концу года не оставалось. После смерти Ивана Ивановича Панаева не осталось ни гроша. Если бы у Некрасова не было денег, не зависящих от журнала, то он сам, конечно, тоже был бы без гроша, - когда дело продолжалось все таким же образом.

После смерти И. И. Панаева издание журнала продолжалось. Выдав единственной наследнице И. И. Панаева, взамен права ее на полученную часть выгод, могущих получиться от издания, пятьдесят тысяч рублей серебром¹⁴, Николай Алексеевич остался уже один хозяином дела, которое шло тем же порядком до тех пор, пока "Современник" издавался.

Одним словом, резюмируя все, что сказано мною касательно денежных отношений с сотрудниками "Современника", я скажу, что по сохранившимся у меня книгам и распискам, всякий сомневающийся может убедиться, что таких лиц из сотрудников журнала, которые не остались бы должными "Современнику", очень мало и общая сумма долгов представит крупную цифру.

А между тем в течение издания, несмотря на затруднительное порою положение кассы и свои собственные нужды, ни Некрасов, ни И. И. Панаев никогда не поминали о долгах и не допускали того, чтобы контора делала, сотрудникам либо прямые, или косвенные, напоминания.

Вскоре по прекращении журнала я уехал из Петербурга, и мои деловые отношения с Некрасовым кончились, но дружеские не прекращались никогда. Несколько лет назад, возвратившись из-за границы, я ему рассказал, что распускаемые клеветы проникли и в Венский университет, как я об этом говорил выше, и напомнил ему, что у меня хранятся все документы, могущие блестящим образом изобличить клеветников. "Это хорошо, - сказал он, - может быть, это когда-нибудь понадобится", - и не прибавил более ничего.

Выше мы упоминали несколько раз о том, что у Некрасова были свои деньги, а потому нас могут спросить: какие это были деньги?

Николай Алексеевич получал значительные суммы от издания своих сочинений и играл в карты, и - одно время - весьма счастливо. Хорошо ли играть в карты? - это уже другой вопрос. Много почитаемых и уважаемых людей играют в карты, и это не мешает им быть почитаемыми и уважаемыми в обществе. Клевета не касается их имени. По крайней мере, деньги, выигранные Некрасовым у людей, которым ничего не стоило проиграть, были им употребляемы уже гораздо лучше, чем деньги, выигранные другими. На деньги Некрасова много поддерживалось неимущих людей, много развилось талантов, много бедняков сделалось людьми {Мне говорили, что Некрасов, несмотря на продолжительные и невыносимые страдания, предшествовавшие его смерти, успел составить самое подробное завещание. Он обязал наследников своих не прекращать выдач прежним пенсионерам и выдать таковые пособия нескольким другим недостаточным известным ему людям. (Прим. И. А. Панаева.)}.

Не будем же укорять поэта за эту общую многим натурам, и иногда натурам недюжинным, слабость, тем более, что у Некрасова это было скорее средство развлечения или отвлечения от тягостных дум, чем страсть. Развилась она в нем в ту пору, когда он был болен, хандрил, собирался умирать, и натура его жаждала сильных ощущений, могущих отвлечь его от обычно терзавших его тогда грустных мыслей, с которыми он не мог справиться. Он писал тогда:

Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь.
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! И из чего поправ
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты - сын *больной* *больного* века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою...¹⁵

Не будем упрекать покойного за то, что, ища отвлеченья от грустных дум и болезненных ощущений, он прибегнул не к истинному лекарству, а к сильному пальятивному средству. Не будем укорять его, тем более, что в душе своей он укорял себя искренне, с беспощадною строгостью, для каковой и враг его не смог бы с такою строгостью найти в нем соответствующей вины...

Что враги? Пусть клеветуют язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!¹⁶

Охоту Николай Алексеевич любил гораздо более, и летом в деревне, конечно, забывал о картах. В Петербурге же искусственная жизнь создала и искусственные привычки...

Отчего клевета не обходила его? Он имел громадный, талант, и, кроме того, во вторую половину жизни - деньги. Как, и то, и другое!! Многие не могут переносить этого. Им как будто обидно, точно талант и деньги отняты у них... и они, многие, негодуют на такое совмещение благ... Почему негодуют? - не могу понять? {Не потому ли, что так горячо и так мрачно (?) выражал в своих произведениях свою скорбь о разных людских бедствиях. Он жил между тем сам так, как живут достаточные люди, не испытывая материальных лишений. Но тогда надо негодовать на нас всех. Все мы искренне скорбим о людских бедствиях, а живем между тем сами, как живут люди с достатком. (Прим. И. А. Панаева.)} Скорее бы радоваться, особенно, когда вспомнишь о том, как неприглядны были ранние дни жизни Некрасова. Он испытал немало бедствий: и крайнюю бедность, и совершенную изолированность в те самые годы, когда люди начинают развиваться и нуждаются в нравственной и материальной помощи. Тогда он был совершенно один в Петербурге. А затем сколько лет трудовой, можно сказать, труженической жизни: да, у него, действительно (я это знаю, и не я один!), бывали дни, подобные тем, о которых он говорит в одном своем стихотворении:

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил,
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?..¹⁷

В заключение, всем интересующимся личностью Некрасова, я беру смелость сказать: "Бросьте свои сомнения; перестаньте слушать разные небылицы и клеветы, и верьте, что ваш поэт был тем, чем рисует вам его воображение и что подсказывает сердце". Те чувства, которые он пробуждал в нас своими стихами, он ощущал их сам, ощущал несомненно в те минуты, когда передавал эти чувства бумаге. Это был поэт искренний, человек простодушно добрый и, что бывает весьма редко, человек, не заботящийся о завтрашнем дне, когда сегодня надо помочь другому.

Тяжелые узы искусственной жизни, жизни, вовсе не подходящей его натуре, долгое время гнали его, хотя, может быть, он сам и не сознавал этого ясно. Но гнет он ощущал - и вот причина неровностей его характера.

Достаточной твердости характера он не имел; и сам сознавался в этом и, обращаясь к тени своей любимой матери, молил ее о том, чтобы она "укрепила" его "волею твердою". Могут, конечно, сказать, что все, высказанное мною о характере Николая Алексеевича, есть мое личное мнение. Да, но отчего же вышло, однако, так, что в течение тридцати лет моего знакомства с ним я не переменил о нем моего мнения?¹⁸

Примечания

Ипполит Александрович Панаев (1822--1901), двоюродный брат И. И. Панаева, инженер по образованию (он, как и его брат В. А. Панаев, окончил институт путей сообщения), обладал еще литературным дарованием. В "Современнике" в 1849--1854 годах было напечатано несколько его беллетристических произведений. С 1856 по 1866 год, до закрытия "Современника", Ип. Панаев заведовал конторой журнала и его хозяйственными и денежными делами. Издатели "Современника" ценили в Ип. Панаеве честность, энергию, трудолюбие. В письме к П. А. Плетневу Некрасов подчеркивал: "Уже более двенадцати лет книги "Современника" ведутся на строго коммерческом основании, не мною, а лицом Вам известным, имеющим доверенность от меня и имевшим ее от Панаева; по этим книгам можно проследить и доказать (ибо на всякий грош, выданный из редакции и конторы, сохраняются расписки), что все сказанное мною здесь о положении "Современника" и о моей роли в нем справедливо..." (XI, 57).

Воспоминания Ип. Панаева писались в 1878 году (дата указана С. Рейсером. ЛН, 49--50, стр. 536), но не были завершены.

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (р. 1, оп. 20, ед. хр. 10, лл. 1--12). Впервые полностью по копии автографа, хранящейся в ИРЛИ -- в ЛН, No 49--50, стр. 536--546 (публикация С. Рейсера).

¹ Стр. 193. Из стихотворения "Застенчивость" (1852).

² Стр. 193. Из стихотворения "На родине" (1855).

³ Стр. 194. Из стихотворения "Муза" (1851).

⁴ Стр. 195. Конторские книги "Современника" за ряд лет хранятся в ИРЛИ. О них см. статью С. Рейсера: ЛН, т. 53--54, стр. 229--230.

⁵ Стр. 195. В 1878 г. готовились к изданию "отдельной книгой" две биографии поэта. Составитель одной был А. Голубев (СПб. 1878), другой - А. М. Скабичевский (в книге "Стихотворения. Посмертное издание", т. I, СПб. 1879). Указанного Ип. Панаевым "отзыва" в этих биографиях нет.

⁸ Стр. 195. Стихотворение 1860 г. 5-ю строку Ип. Панаев цитирует по изданию стихов Некрасова 1864 г. Позднее она была поэтом исправлена: "Не тужи! Пусть растет, прибавляется" (II, 79). По воспоминаниям одного современника, Некрасов публично читал это стихотворение: "Большой зал Дворянского собрания был битком набит. С благотворительной целью давался вечер при участии известных писателей. Появление каждого из них восторженно приветствовалось публикой. И только когда на эстраду вышел Николай Алексеевич Некрасов, его встретило гробовое молчание. Возмутительная клевета, обвившаяся вокруг славного имени Некрасова, очевидно, делала свое дело. И раздался слегка вздрагивающий и хриплый голос поэта "мести и печали":

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.

Что произошло вслед за чтением этого стихотворения, говорят, не поддается никакому описанию. Вся публика, как один человек, встала и начала бешено аплодировать. Но Некрасов ни разу не вышел на эти поздние овации легковерной толпы" (Р. Антропов, Памяти Некрасова, "Звезда", 1902, No 51, стр. 6).

⁷ Стр. 197. Речь идет о камердинере Некрасова Василии Матвееве. По условиям завещания Некрасова он (а в случае его смерти его жена) должен получать пенсию в размере 600 руб. в год.

⁸ Стр. 197. Кроме того, многие долги списывались, даже с авторов, которые продолжали сотрудничать в журнале. Е. Я. Колбасин писал Ип. Панаеву 12 октября 1860 г.: "... я переговорил с Некрасовым насчет моего долга "Современнику", и он обещал взять общий грех пополам, то есть с записанной в ваших конторских книгах цифры сбросить 250 рублей серебром. Поговорите с ним; он не отступится от своего слова" (ИРЛИ, 5043/XXV1, б. 135).

⁹ Стр. 197. Речь идет о братьях Н. А. Добролюбова.

¹⁰ Стр. 198. Имеется в виду Н. В. Успенский.

¹¹ Стр. 199. Н. В. Успенский в письмах из-за границы Ип. Панаеву выражал свою признательность Некрасову за денежную помощь и вновь просил выслать деньги. 28 апреля 1861 г. он писал из Флоренции: "Мой поклон Некрасову, низкий поклон. Когда книжка моя будет здесь у меня в руках, я постараюсь сочинить Некрасову письмо, исполненное отборного красноречия. Впрочем, это неважно. В настоящее время я, главным образом, стараюсь выразить мое желание, чтобы присланы были мне деньги в Женеву и насколько возможно в

скором времени". 9 июня 1861 г. из Парижа! "Передайте Некрасову мою искреннюю благодарность за его ко мне. доброе расположение, я прошу у него извинения, если я не так воспользовался его благородным предложением, что я растратил денег больше, чем бы нужно - то есть тратил их не по условию. Меня подкрепляет надежда, что я вскоре расквитаюсь. Потрудитесь выслать мне, Ипполит Александрович, не менее 350 рублей серебром..." (*ИРЛИ*, 5044/XXVI, б. 136, лл. 20 об. - 21, 26--26 об.).

¹² Стр. 199. Письмо неизвестно.

¹³ Стр. 199. Речь идет о претензиях Н. Успенского к Некрасову, издавшему его "Рассказы" (Пб. 1861). Успенский обвинял Некрасова в том, что тот якобы уядатил ему только с части тиража изданной книги, и просил Чернышевского "устроить третейский суд", "публичное объяснение с Некрасовым" (Письмо Н. Успенского Чернышевскому от 26 января 1862 г., "Звенья", III--IV, стр. 583). Чернышевский ответил отказом, но, не возражая быть "посредником или советником", взял под защиту Некрасова. Чернышевский писал Успенскому 27 января 1862 г.: "Смею Вас уверить, что если г. Некрасов не решился согласиться на некоторые из них (на условия Н. Успенского. - Г. К.), то единственно потому, что не находил возможности без моего согласия изменить расчеты с Вами более, чем изменил их" (*Чернышевский*, т. XIV, стр. 445--446). По-видимому, расчеты Некрасова с Н. Успенским основывались на общих расчетах редакции "Современника" с писателем. Ил. Панаев указывал, что Успенский остался должным редакции "Современника" 2313 руб. 55 коп. (*НВ*, 1889, No 4630). Эта цифра подтверждается публикацией С. Рейсера данных из конторских книг редакции "Современника" (см. *ЛН*, т. 49--50, стр. 535).

¹⁴ Стр. 200. Наследницей И. И. Панаева была его бывшая жена А. Я. Панаева. Сумма в 50 тысяч рублей серебром названа также Некрасовым в письме В. П. Гаевскому в марте 1876 г. (XI, стр. 390). Известна также расписка А. Я. Панаевой от 21 февраля 1865 г. в получении от Некрасова 5 тысяч рублей серебром наличными деньгами и на 34 тысячи рублей серебром заемных писем (*ЛН*, т. 49--50, стр. 548). Кроме того, 9 тысяч рублей серебром Некрасов должен был уплатить Панаевой в три срока. Первые 3 тысячи из них были уплачены 5 мая 1866 г. (XI, 69).

¹⁵ Стр. 202. Из стихотворения "Поэт и гражданин" (1856). Подчеркнуто Ип. Панаевым.

¹⁶ Стр. 202. Из стихотворения "Рыцарь на час" (1860--1862),

¹⁷ Стр. 203. Из стихотворения "Еду ли ночью по улице темной" (1847).

¹⁸ Стр. 203. На этом текст воспоминаний обрывается. Кроме него, в рукописи сделаны две отдельные записи: об отношении Некрасова к крестьянам, о денежных пособиях Некрасова. Обе записи включены С. Рейсером в состав основного текста (*ЛН*, т. 49--50, стр. 545--546).